

ОНКОЛОГИЯ, ЛУЧЕВАЯ ТЕРАПИЯ/ONCOLOGY, RADIATION THERAPY

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.159.73>

КОМПЛЕКСНЫЙ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ РАКА ПРЕДСТАТЕЛЬНОЙ ЖЕЛЕЗЫ У МУЖЧИН РАЗНОГО ВОЗРАСТА

Научная статья

Старцев В.Ю.¹, Кривоносов Д.И.²*¹ ORCID : 0000-0003-1243-743X;² ORCID : 0000-0001-7687-8205;^{1,2} Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет Минздрава России, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (doc.krivonosov[at]yandex.ru)

Аннотация

Обоснование. В мире наблюдается ежегодный рост доказанных случаев de novo рака предстательной железы (РПЖ): за 2007–2017 гг. заболеваемость возросла вдвое (с 20,2 тыс. до 40,8 тыс. чел.). Распространено мнение о взаимосвязи наследственных факторов РПЖ с индексом качества окружающей среды, питанием, вредными привычками и образом жизни, что потенциально способно оказать влияние на развитие РПЖ в молодом возрасте.

Цель — определить взаимосвязь факторов риска развития РПЖ у пациентов разного возраста в трех регионах России по результатам оригинального анкетирования.

Методы. Разработан и внедрен оригинальный опросник для уточнения информации об особенностях диагностики, лечения и факторах развития РПЖ. Проведено рандомное анкетирование 150 пациентов с РПЖ, после радикального хирургического лечения в трех регионах Российской Федерации: г. Санкт-Петербург и Ленинградская область, СПб (n=62; 41,3%), г. Калининград и Калининградская область, КЛГ (n=51; 34,0%), г. Москва и Московская область, МСК (n=37; 24,7%). Пациенты распределены в 2 группы: А — моложе 50 лет (n=50); Б — старше 50 лет (n=100). Для анализа данных использована система STATISTICA for Windows (vers 12).

Результаты. В группе А заболеваемость РПЖ у пациентов из МСК составила 40,5% от числа опрошенных, в СПб — 29%, в КЛГ — 33,3%. В группе Б лидировал СПб — 71% (КЛГ и МСК — 66,7 и 59,5%, соотв.). Установлена взаимосвязь развития РПЖ с диагностированным ранее хроническим простатитом (ХП): у пациентов из МСК в группе А ХП диагностирован в 40% случаев, в группе Б — аналогично для СПб (54,5%).

Определена взаимосвязь риска РПЖ с отягощенной наследственностью в первой линии родства. У пациентов из МСК в группе А показатель наивысший (53,3%), как и в СПб в группе Б (15,9%). Внимания заслуживает факт соотношения потребления алкоголя и риска РПЖ: в группе А у пациентов из МСК (80,0%) и в группе Б — в СПб (59,1%). Наибольшие показатели злокачественности РПЖ (сумма Глисона 8=4+4/3+5, ISUP-4) у пациентов из КЛГ в группе Б (76,9%), около 80% пациентов регулярно употребляли алкоголь, 40% — ежедневно.

Заключение. Определена взаимосвязь развития РПЖ с употреблением алкоголя, корреляция высокозлокачественных форм с кратностью употребления алкоголя. Среди пациентов с РПЖ моложе 50 лет оказалось больше мужчин с наследственными опухолями, что подчеркивает общемировую тенденцию. Необходимо продолжить изучение данного вопроса для прогноза и профилактики прогрессирования клинически значимого РПЖ у мужчин молодого возраста.

Ключевые слова: рак предстательной железы, факторы риска развития рака простаты, рак простаты в молодом возрасте, межрегиональный анализ.

COMPLEX INTERREGIONAL ANALYSIS OF FACTORS CONTRIBUTING TO PROSTATE CANCER DEVELOPMENT IN MEN OF DIFFERENT AGES

Research article

Startsev V.Y.¹, Krivonosov D.I.²*¹ ORCID : 0000-0003-1243-743X;² ORCID : 0000-0001-7687-8205;^{1,2} St. Petersburg State Pediatric Medical University, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (doc.krivonosov[at]yandex.ru)

Abstract

Substantiation. There has been an annual increase in proven cases of de novo prostate cancer (PC) worldwide: between 2007 and 2017, the incidence rate doubled (from 20,200 to 40,800 people). There is a widespread belief that hereditary factors in PC are linked to environmental quality, nutrition, harmful habits and lifestyle, which could potentially influence the development of PC at a young age.

The aim is to determine the relationship between risk factors for the development of prostate cancer in patients of different ages in three regions of Russia based on the results of an original questionnaire.

Methods. An original questionnaire was developed and implemented to clarify information about the characteristics of diagnosis, treatment, and factors in the development of PC. A random survey of 150 patients with PC was conducted after radical surgical treatment in three regions of the Russian Federation: St. Petersburg and Leningrad Oblast, SPb (n=62; 41.3%), Kaliningrad and the Kaliningrad Oblast, KLG (n=51; 34.0%), and Moscow and Moscow Oblast, MSK (n=37; 24.7%). Patients

were divided into two groups: A — younger than 50 years (n=50); B — older than 50 years (n=100). STATISTICA for Windows (vers 12) was used for data analysis.

Results. In group A, the incidence of PC among patients from the MSC was 40.5% of those surveyed, in St. Petersburg — 29%, and in the KLG — 33.3%. In group B, St. Petersburg led with 71% (KLG and MSC — 66.7% and 59.5%, respectively). A correlation was established between the development of PC and previously diagnosed chronic prostatitis (CP): in patients from the MSC in group A, CP was diagnosed in 40% of cases, and in group B, the figure was similar for St. Petersburg (54.5%).

The relationship between the risk of PC and a family history of the disease in first-degree relatives has been established. Patients from the MSC in group A had the highest rate (53.3%), as did those from St. Petersburg in group B (15.9%). The correlation between alcohol consumption and the risk of PC deserves attention: in group A among patients from the MSC (80.0%) and in group B in St. Petersburg (59.1%). The highest rates of PC malignancy (Gleason sum $8=4+4/3+5$, ISUP-4) were found in patients from KLG in group B (76.9%), with about 80% of patients regularly consuming alcohol and 40% consuming it daily.

Conclusion. A relationship has been established between the development of PC and alcohol consumption, with a correlation between highly malignant forms and the frequency of alcohol consumption. Among PC patients younger than 50 years of age, there were more men with hereditary tumours, which highlights a global trend. Further study of this issue is needed for the prognosis and prevention of clinically significant PC progression in young men.

Keywords: prostate cancer, risk factors for prostate cancer, prostate cancer at a young age, interregional analysis.

Введение

Рак предстательной железы (РПЖ) занимает V место в мировом рейтинге причин смерти мужчин от злокачественных новообразований (ЗНО) [1]. Согласно сведениям базы данных GLOBOCAN, в 2020 г. в 174 странах зарегистрировано 1.414.259 новых случаев РПЖ и 375.304 смертельных исходов, обусловленных развитием этого ЗНО [2].

В Российской Федерации (РФ) наблюдается ежегодный прирост доказанных случаев РПЖ: с 2007 г. абсолютное число заболевших увеличилось в 2 раза (с 20,2 тыс. до 40,8 тыс. или до 90,6 человек на 100 тыс. мужского населения) [3].

Среди всех ЗНО у российских мужчин РПЖ находится на II месте (14,3%) после ЗНО трахеи, бронхов и легкого (17,8%). Среди остальных ЗНО рак простаты занимает лидирующую позицию (18,5%) у мужчин старше 60 лет, однако ежегодный прирост заболеваемости РПЖ в возрасте от 15 до 40 лет во всем мире составил 2% ($p < 0,01$) [4]. По данным Bleeyer A. и соавт. (2020), за 1990-2020 гг. заболеваемость РПЖ в возрасте 35–55 лет на момент постановки диагноза увеличилась достоверно (с 2,3% до 9,0%), а средний возраст верификации РПЖ снизился с 72 до 68 лет [4].

Одним из ключевых факторов, повлиявших на рост числа новых случаев РПЖ за минувшие 30 лет, стало внедрение тестирования сыворотки крови мужчин на простатический специфический антиген (ПСА) [5]. По мнению Sartor O. (2020), частота встречаемости диссеминированного РПЖ у молодых мужчин оказалась выше в связи с тем, что этим людям не проводился регулярный скрининг, основанный на уровне ПСА [6].

В 2022 г. проведена оценка заболеваемости в 50 и смертности в 59/185 странах мира: заболеваемость РПЖ возросла в 11 странах, а смертность — в 9 государствах Азии, Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна, что косвенно свидетельствует об увеличении доступности медицинской помощи в данных регионах [7].

Скрининговые тесты на рак позиционируются как инструмент для ранней диагностики с целью увеличения продолжительности жизни, но до сих пор не известно, увеличится ли продолжительность жизни пациентов на фоне широко используемых скрининговых тестов? По данным систематического обзора и мета-анализа рандомизированных клинических исследований [8], в которые включено 2.111.958 человек, при медиане наблюдения 10 лет, не выявлено существенной разницы в продолжительности жизни при сплошном скрининге РПЖ с тестированием ПСА (37 дней; 95% CI, 37–73 дня). Это важный аргумент не в пользу сплошного исследования ПСА крови для выявления клинически значимого РПЖ.

Целесообразность скрининга РПЖ посредством тестирования крови на ПСА в последнее время вызывает вопросы. Möller F. и соавт. (2024) провели исследование, доказывающее, что у мужчин с уровнем ПСА 1,8–3 нг/мл уже выявляются клинически значимые формы РПЖ [9]. В исследование включено 6.006 мужчин, в среднем возрасте 55,9 лет: в 11% случаев (n=670) ПСА составил 1,8–3 нг/мл (медиана ПСА 2,1 нг/мл [IQR 1,9–2,5]) и в 6,3% случаев (n=377) — 3–10 нг/мл (медиана ПСА 3,9 нг/мл [IQR 3,3–5,0]). После проведения магнитно-резонансной томографии (МРТ) органов малого таза (PI-RADS V2) и биопсии РПЖ верифицирован у 64 мужчин (9,5%) в группе с низким уровнем ПСА: 33 (51%) с суммой Глисона (GS) = 6 (клинически незначимый РПЖ) и у 31 (49%) с $GS \geq 7$. У мужчин с высоким уровнем ПСА РПЖ выявлен у 61 (16%): 26 (42%) с $GS=6$; 35 (58%) с $GS \geq 7$. Верифицировано значительное количество клинически значимых форм РПЖ у мужчин с низким уровнем ПСА (1,8–3 нг/мл), что свидетельствует о неполноценности тестирования.

Вопрос гипердиагностики и последствий для организма, в зависимости от возраста пациента, требует изучения. Важным фактором раннего развития РПЖ принято считать отягощенную наследственность по мужской линии, что предопределяет агрессивный тип течения заболевания с неблагоприятным исходом [10]. Приведенный факт свидетельствует о необходимости обследования мужчин с наличием РПЖ в анамнезе по мужской линии, с вниманием к генетическим мутациям BRCA2, ATM и др. для определения групп лиц с риском ранней диссеминации опухоли. Учет соматических мутаций позволяет рано начать лечение пациента для обеспечения удовлетворительного срока его жизни.

Результаты недавних исследований показывают, что комбинация наследуемых факторов РПЖ с индексом качества окружающей среды (EQI), усиливают воздействие каждого и повышают риск развития данной опухоли [11].

Экзогенные факторы EQI имеют свойства вмешиваться и/или изменять такие биологические процессы, как экскреция и функция гормонов, воспаление, повреждение ДНК и подавление/гиперэкспрессия генов. Анализ доказал взаимосвязь факторов окружающей среды, темпов развития ЗНО (ДИ 34,84–53,54) с сопутствующей медикаментозной терапией, метаболическим синдромом и воспалительными заболеваниями органов мочеполовой системы.

Немаловажную роль для ранней диагностики РПЖ традиционно отводят особенностям диеты человека, связанных с повышенным содержанием воспалительных компонентов (IL-6, C-peptide) и гиперинсулинемической диетой, что сопровождается повышением уровня гликированного гемоглобина (HbA1C). Гиперинсулинемия и воспаление — два важных биологических пути, которые связывают диету с развитием РПЖ. За 28 лет наблюдения за 41.209 мужчинами из медицинских организаций зарегистрированы 5.929 случаев РПЖ, в том числе 667 случаев — с летальным исходом [12]. Для каждого стандартного отклонения в диете с гиперинсулинемией на 7% риск прогрессирования РПЖ оказывался выше (HR: 1,07; 95% CI: 1,01–1,15) и на 9% увеличивался риск смерти (HR: 1,09; 95% CI: 1,00–1,18). Диета с повышением содержания воспалительных элементов была связана с более низким риском развития распространенного РПЖ в модели с поправкой на возраст, однако не получено значимых взаимосвязей при корректировке питания с развитием РПЖ в общей исследуемой популяции.

Некоторые данные свидетельствуют о клинически значимой зависимости риска развития РПЖ с образом жизни и питанием [13]. Не исключается роль катехина зеленого чая, ликопина томатов, и других продуктов, которые могут модулировать канцерогенные пути реакции на окислительный стресс. Омега-3 жирные кислоты, продукты с высоким содержанием насыщенных жиров, эллагитаннины в экстракте граната, продукты, содержащие изофлавоны, генистеин и дайдзеин, витамины и минеральные добавки, селен и много другое в той или иной степени оказывают влияние на развитие РПЖ.

В отечественном мета-анализе от 2022 г. изучены сведения об эпидемиологии и распространенности РПЖ у мужчин разного возраста за 24 года (с 1997 по 2021 гг.) [14]: в работе описаны направления развития ранней диагностики клинически значимого РПЖ с помощью новых молекулярно-генетических и гистологических методов исследования, пока не распространенных из-за высокой стоимости и малой выборки молодых (до 50 лет) пациентов. Недостаточное освещение в мировой научной литературе вопросов верификации РПЖ у пациентов трудоспособного возраста пока не позволяет говорить уверенно о победе над этим агрессивным заболеванием, в том числе у пациентов трудоспособного возраста.

Цель – определить взаимосвязь факторов риска развития РПЖ у пациентов разного возраста в трех регионах России по результатам оригинального анкетирования.

Материалы и методы

Разработана анкета из 56 вопросов (приложение 1), для уточнения информации о диагностике, лечении, осложнениях и возможных факторах риска развития РПЖ. При составлении анкет учитывались сведения о факторах риска, описанных в научной литературе и/или в ходе международных клинических исследований. Проанализированы анкеты 150 пациентов с верифицированным РПЖ после проведения радикального хирургического лечения (радикальной простатэктомии), из трех регионов РФ: Санкт-Петербург и Ленинградская область (n=62, СПб), Калининград и Калининградская область — (n=51, КЛГ), Москва и Московская область (n=37, МСК) (рис. 1).

- Санкт-Петербург и Лен. обл. Saint Petersburg and the Leningrad Region
- Москва и обл. Moscow and the region
- Калининград и обл. Kaliningrad and the region

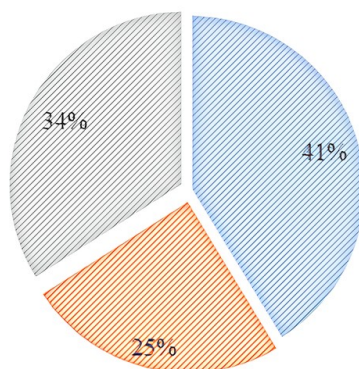

Рисунок 1 - Процентное соотношение пациентов с РПЖ по регионам
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.159.73.1>

В зависимости от возраста верификации РПЖ, пациенты распределены в 2 группы: А — пациенты моложе 50 лет (n=50) и Б — пациенты старше 50 лет (n=100). У 18/62 пациентов СПб (29%) диагноз РПЖ установлен до 50 лет, в подгруппе из МСК — у 15 пациентов (40,5%), среди мужчин из КЛГ — у 17 (33,3%) (рис. 2).

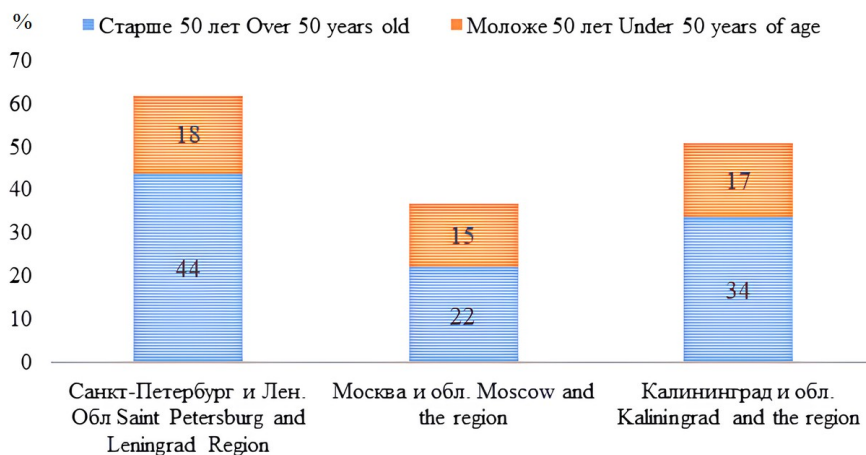

Рисунок 2 - Группы пациентов по регионам проживания

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.159.73.2>

Статистический анализ полученных данных выполняли средствами системы STATISTICA for Windows (версия 12). Сравнение количественных параметров (возраст, ПСА, индекс массы тела и др.) осуществлялось с использованием критериев Манна-Уитни, медианного хи-квадрат, т.к. распределение показателей не было нормальным. Частотные характеристики качественных показателей (факты курения, употребления алкоголя, молочных продуктов и другие характеристики) оценивали с помощью непараметрических методов хи-квадрат с поправкой Йетса, критерия Фишера.

Результаты

Средний возраст пациентов на момент верификации РПЖ составил $56,5 \pm 21,5$ лет: в группах А и Б 42 ± 7 и 64 ± 14 лет, соотв. Индекс массы тела пациентов в возрасте 30 лет в среднем составил $26,12 \text{ кг/м}^2$, в группе А $26,58 \text{ кг/м}^2$, в группе Б $25,9 \text{ кг/м}^2$; на момент анкетирования — $27,98 \text{ кг/м}^2$ ($27,5 \text{ кг/м}^2$ в группе А и $28,2 \text{ кг/м}^2$ в группе Б) (рис. 3).

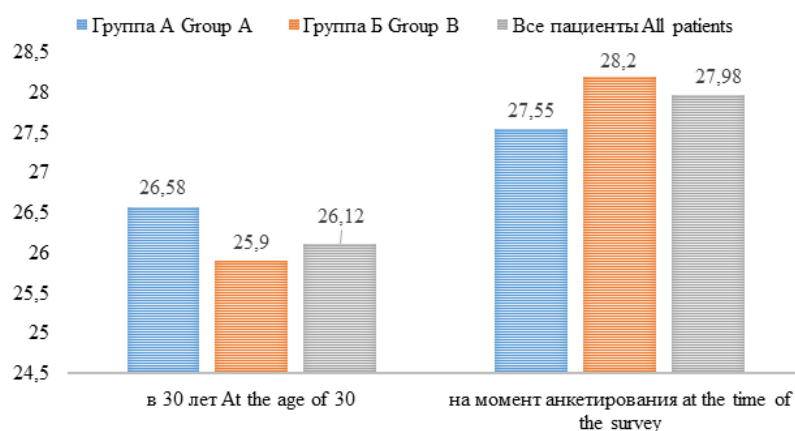

Рисунок 3 - Соотношение индекса массы тела пациентов в 30 лет и на момент анкетирования

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.159.73.3>

На момент проведения биопсии уровень ПСА общего составил $14,7 \pm 11,2 \text{ нг/мл}$ ($6,68 \pm 3,18 \text{ нг/мл}$ у пациентов группы А и $15,43 \pm 10,53 \text{ нг/мл}$ — у мужчин группы Б). Через месяц после хирургического лечения медиана ПСА для пациентов группы А — $0,135 \text{ нг/мл}$, для группы Б — $0,04 \text{ нг/мл}$. На момент анкетирования медиана ПСА для группы А = 0 нг/мл (среднее $3,45 \pm 3,4 \text{ нг/мл}$), для группы Б = 0 нг/мл (среднее $0,4 \pm 0,4 \text{ нг/мл}$) (табл. 1).

Таблица 1 - Характеристики исследуемых пациентов

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.159.73.4>

Показатель	Значения по группам			P
	Критерии	А (< 50 лет), n=50	Б (>50 лет), n=100	
Возраст	M±s.d	42 ± 7	64 ± 14	<0,05
	min÷max	35 ÷ 49	50 ÷ 78	

Показатель	Значения по группам			P
	Критерии	А (< 50 лет), n=50	Б (>50 лет), n=100	
Индекс массы тела в 30 лет	Me (LQ; UQ)	48 (46;49)	65 (61,5;69,5)	>0,05
	M±s.d	25,5 ± 5,7	30,05 ± 9,85	
	min÷max	19,8 ÷ 31,2	20,2 ÷ 39,9	
	Me (LQ; UQ)	27 (23,8;29,2)	25,4 (22,4;28,6)	
Индекс массы тела на момент анкетирования	M±s.d	27,55 ± 6,25	27,4 ± 7,1	>0,05
	min÷max	21,3 ÷ 33,8	20,3 ÷ 34,5	
	Me (LQ; UQ)	27,4 (25,2;30,6)	28,1 (25,45;31,55)	
	M±s.d	6,68 ± 3,18	15,43 ± 10,53	<0,05
ПСА на момент биопсии (нг/мл)	min÷max	3,5 ÷ 9,86	4,9 ÷ 25,95	
	Me (LQ; UQ)	6,64 (5,62;8,4)	10,52 (8,15;13,4)	
	M±s.d	1,45 ± 1,45	7,39 ± 7,39	<0,05
ПСА через месяц после РПЭ (нг/мл)	min÷max	0 ÷ 2,9	0 ÷ 14,78	
	Me (LQ; UQ)	0,135 (0,05;0,4)	0,04 (0,0035;0,151)	
	M±s.d	3,45 ± 3,45	0,397±0,397	<0,05
ПСА на момент анкетирования (нг/мл)	min÷max	0 ÷ 6,9	0 ÷ 0,794	
	Me (LQ; UQ)	0 (0;007)	0 (0;0,018)	
Категория злокачественности	ISUP*-1	8	15	<0,05
	ISUP-2	22	49	
	ISUP-3	12	23	
	ISUP-4	8	13	

Примечание: * – Международное общество урологических патологов

Средний возраст пациентов групп А и Б на момент верификации диагноза отличался на 22 года (42 лет против 64 лет, $P<0,05$), разница показателя возраста у самого молодого и самого возрастного пациентов составила 43 года (35 и 78 лет), минимальная разница — 1 год (49 и 50 лет). Самым молодым оказался пациент с РПЖ в возрасте 35 лет, житель Москвы.

По результатам анкетирования, 109 пациентов родилось в городе (72,7%), 41 пациент — в сельской местности (27,3%), на момент проведения операции все пациенты проживали в городе (рис. 4).

Разработанные анкеты содержали ряд вопросов для выявления закономерностей развития РПЖ с учетом вредных привычек, особенностей питания и образа жизни (приложение 1)

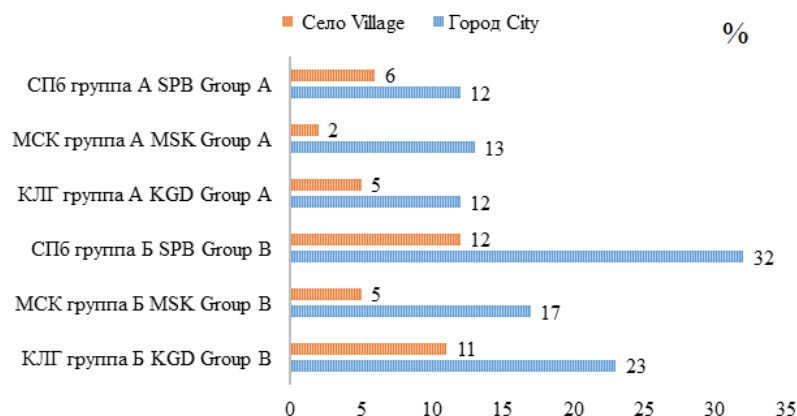

Рисунок 4 - Распределение пациентов в группах по месту их рождения
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.159.73.5>

В группе А контингент пациентов, употреблявших алкоголь, составил 27 чел. (54%): СПб — 8 (44,4%), МСК — 12 (80%), КЛГ — 7 (41,2%). В группе Б 53% (n=53): 26 (59,1%), 8 (36,4%) и 19 (55,8%), соответственно (рис. 5).

Рисунок 5 - Распределение пациентов по группам, с учетом их пристрастия к алкоголю
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.159.73.6>

В группе А наибольшее количество употреблявших алкоголь были из МСК (80%), в группе Б — из СПб (59,1%); в этих регионах наибольшее соотношение по заболеваемости РПЖ среди респондентов: 40,5% и 71%, соотв. (табл. 2, 3). Регулярное употребление алкоголя (80%) и наибольшие показатели злокачественности РПЖ (сумма Глисона 8=4+4/3+5, ISUP-4) встречены у пациентов группы Б из КЛГ (76,9%, медиана ПСАо 13,6 нг/мл) и 40% мужчин употребляли алкоголь ежедневно.

Таблица 2 - Частота потребления алкоголя при ретроспективном анализе в группах пациентов

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.159.73.7>

Кратность потребления	Город	Количество пациентов по группам			
		А		Б	
		абс.	%	абс.	%
1 раз в неделю	СПб	1	12,5	8	30,8
	МСК	3	2	1	12,5
	КЛГ	1	14,3	5	26,3
1 раз в месяц	СПб	1	12,5	5	19,2
	МСК	2	16,7	1	12,5
	КЛГ	1	14,3	3	15,8
Более 1 раза в неделю	СПб	2	25	3	11,5
	МСК	4	33,3	4	50
	КЛГ	4	57,1	4	21,1
По праздникам	СПб	2	25	8	30,8
	МСК	2	16,7	1	12,5
	КЛГ	0	0	5	26,3
Практически каждый день	СПб	2	25	2	7,7
	МСК	1	8,3	1	12,5
	КЛГ	1	14,3	2	10,5

Таблица 3 - Объем употребляемого алкоголя пациентами исследуемых групп

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.159.73.8>

Город	Объем употребляемого алкоголя, мл/человека	
СПб	268,7	242,7
МСК	683,3	235
КЛГ	692,8	231,6
Среднее, всего	548,3	236,4

У 15 человек группы А (30%) до верификации РПЖ установлен диагноз: «Хронический простатит», ХП (СПб — 5 человек; 27,8%, МСК — 6 человек; 40%, КЛГ — 4 человека; 23,5%). В группе Б у 41 человека (41%) это заболевание было в анамнезе: СПб — 24 (54,5%), МСК — 7 (31,8%) и КЛГ — 10 (29,4%) человек, соотв. Средний возраст подтверждения диагноза: у пациентов группы А — 33 ± 8 лет, в группе Б $44,5 \pm 16,5$ лет (рис. 6).

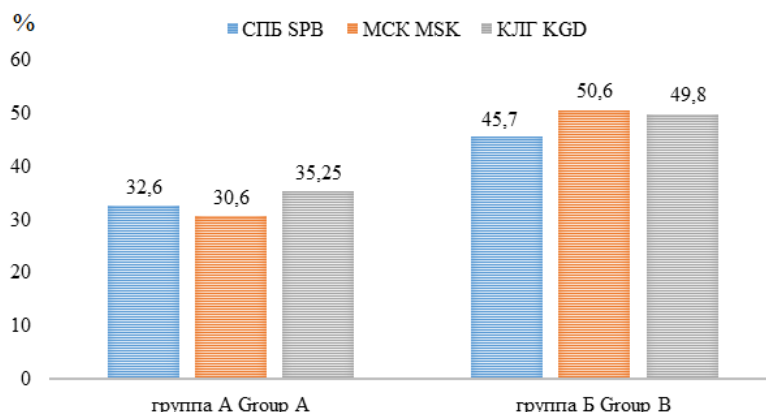

Рисунок 6 - Показатель возраста верификации хронического простатита у исследуемых пациентов
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.159.73.9>

Сведения о наличии ЗНО у родственников пациентов послужили важным отправным пунктом наших заключений (табл. 4).

Таблица 4 - Злокачественные заболевания у родственников первой линии родства

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.159.73.10>

Злокачественные новообразования	Группа А, абс. (%)		Группа Б, абс. (%)	
предстательной железы	СПб	0	СПб	4
	МСК	5	МСК	1
	КЛГ	2	КЛГ	2
	Всего	7	Всего	7
яичников	СПб	0	СПб	0
	МСК	1	МСК	1
	КЛГ	2	КЛГ	2
	Всего	3	Всего	3
молочной железы	СПб	0	СПб	2
	МСК	2	МСК	1
	КЛГ	1	КЛГ	0
	Всего	3	Всего	3
иных локализаций	СПб	0	СПб	1
	МСК	0	МСК	0
	КЛГ	2	КЛГ	1
	Всего	2	Всего	2
Всего	15 (30)		15 (15)	

У пациентов группы А в 8% случаев (n=4) обнаружен отдаленный метастатический процесс (1 — СПб, 2 — КЛГ с метастазами в лимфатические узлы (ЛУ), 1 из КЛГ с метастазами в кости таза). В группе Б, также, в 8% (n=8) выявлено распространение опухоли в ЛУ (3 — СПб, 3 — МСК, 1 — КЛГ) и 2 случая из СПб — метастазы в отдаленные органы.

На развитие РПЖ, по данным анкетирования, не оказали влияния такие показатели, как: индекс массы тела, курение, употребление сладкого, молочных продуктов и мяса, фертильность, количество половых партнеров, наличие сахарного диабета, инфекции передающиеся половым путем, физические нагрузки, аденома предстательной железы и уровень ПСА.

Обсуждение

Согласно регрессионному анализу [15], риск развития РПЖ наиболее высок у мужчин с отягощенной наследственностью по данному заболеванию, в любой степени родства, по сравнению с мужчинами, в семейном анамнезе которых не отмечено эпизодов онкологических заболеваний ($\text{adg-HR} = 1,36$; 95% CI 1,21–1,52). Подобная закономерность отмечена и у мужчин, у которых брат и/или отец имели доказанный диагноз РПЖ, в сравнении с мужчинами без отягощенной опухолевой наследственности ($\text{adg-HR} = 2,20$; 95% CI 1,61–2,99). РПЖ – полигенное заболевание с высокой степенью наследуемости, но не все мужчины в равной степени подвержены риску развития РПЖ [16]. У мужчин, не имеющих брата или отца с диагностированной карциномой простаты, риск развития РПЖ в 2 раза меньше, чем у мужчин с отягощенным семейным анамнезом. Риск развития РПЖ возрастает при верификации заболевания у родственника первой линии родства (РПЖ) в молодом возрасте (≤ 55 лет). В результате проведенного нами исследования получены данные о зависимости факта развития РПЖ с отягощенной наследственностью в первой линии родства, что полностью соответствует данным мировой литературы.

В группе А и Б наибольшее процентное отношение диагностированных РПЖ у пациентов из МСК и СПб соответственно, что сопоставимо с количеством пациентов из этих же регионов, с анамнестически подтвержденным ХП. По данным мета-анализа в 15 из 2794 исследований имеются данные о повышении риска развития РПЖ у пациентов на фоне ХП [17]. По результатам исследования 422 943 пациентов относительный риск составил 1,83 (95% ДИ: от 1,43 до 2,35; $P < 0,00001$). Согласно критериям GRADE, общее качество данных мета-анализа низкое, в основном из-за наличия систематической ошибки, искажающих факторов и крайних значений эффекта. Еще в одном исследовании были проанализированы данные 746 176 пациентов в возрасте ≥ 50 лет с установленным диагнозом ХП в период с 2010 по 2013 год [18]. При наблюдении за данными пациентами до 2019 года, заболеваемость РПЖ была значительно выше у пациентов с ХП, в сравнении с представителями контрольной группы (1,8% против 0,6%, $p < 0,001$), также относительный риск для РПЖ был значительно выше у пациентов с ХП (ОР 2,99; 95% ДИ 2,89–3,09, $p < 0,001$). При остром простатите риск развития РПЖ был выше чем при ХП (3,82; 95% ДИ 3,58–4,08; $p < 0,001$; ОР 2,77; 95% ДИ 2,67–2,87, $p < 0,001$). Частота смерти от всех причин у пациентов с диагнозом РПЖ была значительно ниже в группе с ХП (ОР 0,58, 95% ДИ 0,53–0,63, $p < 0,001$).

До настоящего времени не получено данных о взаимосвязи употребления алкоголя и развития агрессивных форм РПЖ. По нашим данным, прослежена взаимосвязь не только развития собственно РПЖ, но и наиболее агрессивных форм опухоли с ISUP 4 (сумма Глисона $8=4+4/3+5$) у пациентов, употребляющих алкоголь ежедневно. В 2020 году проведен метаанализ по изучению данных о риске развития РПЖ в зависимости от дозы и вида употребляемого алкоголя (весь алкоголь, вино, пиво и крепкие спиртные напитки) [19]. Риск развития неагрессивного РПЖ линейно увеличивался при употреблении алкоголя, относительный риск — 1,04 при употреблении 14 грамм алкоголя в сутки (95% доверительный интервал = 1,02–1,06, $I^2 = 0\%$, три исследования) и, нелинейно, при употреблении пива ($R_{\text{нелинейность}} = 0,045$, четыре исследования). Повышенный риск отмечен в более низком диапазоне дозы алкоголя (ОР = 1,03, 95% ДИ = 1,01–1,05; 14 г/сут), при приеме 28 г/сут — 1,05 (95% ДИ = 1,01–1,08). Факт употребления вина не был существенно связан с риском развития неагрессивного РПЖ. По сравнению с непьющими, значимая положительная связь оказалась более очевидной при низких дозах (от 14 до 28г) употребления алкоголя (ОР = 1,12, 95% ДИ = 1,04–1,20 при 14 г / сут; ОР = 1,16, 95% ДИ = 1,03–1,31 при 28 г / сут; $R_{\text{нелинейность}} = 0,005$, три исследования), но при более высоких дозах при употреблении вина (ОР = 1,02, 95% ДИ = 0,90–1,16 при 28 г / сут, ОР = 1,35, 95% ДИ = 1,08–1,67 при 56 г /сут; $R_{\text{нелинейность}} = 0,01$, четыре исследования). Напротив, при меньших дозах пива риск РПЖ снижался (ОР = 0,85, 95% ДИ = 0,79–0,92 при 14 г/день; ОР = 0,79, 95% ДИ = 0,70–0,90 при 28 г/день, $R_{\text{нелинейность}} < 0,001$, четыре исследования). Общий факт употребления алкоголя не был связан с развитием агрессивного и неагрессивного типов РПЖ, но выявлена неоднородная связь между употреблением алкоголя и риском опухоли, с учетом типа алкоголя.

Из 27/340 исследований в базах данных PubMed и Web of Science содержалось 126 оценок воздействия различных видов алкоголя на риск РПЖ [20]. Значительно повышенный риск опухоли наблюдался у тех, кто употреблял алкоголь в малых (ОР = 1,08, $P < 0,001$), средних (ОР = 1,07, $P < 0,01$), больших (ОР = 1,14, $P < 0,001$) и очень больших (ОР = 1,18, $P < 0,001$) количествах, по сравнению с группой мужчин, не употреблявших алкоголь: выявлена значимая зависимость «доза-риск развития» ($P_{\text{тенденция}} < 0,01$).

Заключение

В ходе рандомного опроса РПЖ констатирован наиболее часто у пациентов молодого возраста, жителей г. Москва и Московской области, по сравнению с индивидами из остальных регионов. Выявлена взаимосвязь ранее установленного диагноза ХП и вероятности развития РПЖ в лидирующих по заболеваемости РПЖ регионах: в группе А — Москва и Московская область, в группе Б — Санкт-Петербург и Ленинградская область. Определена четкая взаимосвязь развития РПЖ с употреблением алкоголя, с корреляцией развития высокозлокачественных форм этой опухоли и кратности употребления алкоголя. В группе молодых (до 50 лет) пациентов с РПЖ оказалось больше мужчин с наследственными опухолями, что подчеркивает общемировые данные.

До сих пор исследований о закономерности развития РПЖ у мужчин путем влияния ацетальдегида (промежуточный продукт распада этанола) на повышение уровня эстрогенов не проводилось. Необходимо продолжить изучение подобной гипотезы для прогноза и профилактики прогрессирования клинически значимых новообразований простаты у мужчин молодого возраста.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Sadeghi-Gandomani H.R. The Incidence, risk factors, and knowledge about the prostate cancer through Worldwide and Iran. / H.R. Sadeghi-Gandomani, M.S. Yousefi, S. Rahimi et al. // WCRJ. — 2017. — 4. — DOI: 10.32113/wcrj_201712_972
2. Wang L. Prostate Cancer Incidence and Mortality: Global Status and Temporal Trends in 89 Countries From 2000 to 2019. / L. Wang, B. Lu, M. He et al. // Frontiers in Public Health. — 2022. — 10. — DOI: 10.3389/fpubh.2022.811044
3. Аксель Е.М. Статистика злокачественных новообразований мочевых и мужских половых органов в России и странах бывшего СССР. / Е.М. Аксель, В.Б. Матвеев // Онкоурология. — 2019. — 15(2). — С. 15–24. — DOI: 10.17650/1726-9776-2019-15-2-15-24
4. Bleyer A. Prostate cancer in young men: An emerging young adult and older adolescent challenge. / A. Bleyer, F. Spreafico, R. Barr et al. // Cancer. — 2020. — 126(1). — P. 46–57. — DOI: 10.1002/cncr.32498
5. Kramer B.S. Prostate cancer screening: what we know and what we need to know.. / B.S. Kramer, M.L. Brown, P.C. Prorok et al. // Ann Intern Med. — 1993. — 119(9). — P. 14–23. — DOI: 10.7326/0003-4819-119-9-199311010-00009
6. Sartor O. Why is prostate cancer incidence rising in young men?. / O. Sartor // Cancer. — 2020. — 126(1). — P. 17–18. — DOI: 10.1002/cncr.32497
7. Schafer E.J. Recent Patterns and Trends in Global Prostate Cancer Incidence and Mortality: An Update / E.J. Schafer, M. Laversanne, H. Sung et al. // Eur Urol. — 2025. — 87(3). — P. 302–313. — DOI: 10.1016/j.eururo.2024.11.013
8. Bretthauer M. Estimated Lifetime Gained With Cancer Screening Tests: A Meta-Analysis of Randomized Clinical Trials / M. Bretthauer, P. Wieszczyni, M. Loberg et al. // JAMA Intern Med. — 2023. — 183(11). — P. 1196–1203. — DOI: 10.1001/jamainternmed.2023.3798
9. Möller F. Prostate Cancers in the Prostate-specific Antigen Interval of 1.8–3 ng/ml: Results from the Göteborg-2 Prostate Cancer Screening Trial. / F. Möller, M. Månsson, J. Wallström et al. // European Urology. — 2024. — 0302-2838. — DOI: 10.1016/j.eururo.2024.01.017
10. Nicolosi P. Prevalence of Germline Variants in Prostate Cancer and Implications for Current Genetic Testing Guidelines. / P. Nicolosi, E. Ledet, S. Yang et al. // JAMA Oncol. — 2019. — 5(4). — P. 523–528. — DOI: 10.1001/jamaoncol.2018.6760
11. Jagai J.S. County-level cumulative environmental quality associated with cancer incidence. / J.S. Jagai, L.C. Messer, K.M. Rappazzo et al. // Cancer. — 2017. — 123(15). — P. 2901–2908. — DOI: 10.1002/cncr.30709
12. Fu B.C. Insulinemic and Inflammatory Dietary Patterns and Risk of Prostate Cancer. / B.C. Fu, F.K. Tabung, C.H. Pernar et al. // Eur Urol. — 2021. — 79(3). — P. 405–412. — DOI: 10.1016/j.eururo.2020.12.030
13. Zuniga K.B. Diet and lifestyle considerations for patients with prostate cancer. / K.B. Zuniga, J.M. Chan, C.J. Ryan et al. // Urol Oncol. — 2020. — 38(3). — P. 105–117. — DOI: 10.1016/j.urolonc.2019.06.018
14. Старцев В.Ю. Выявление рака предстательной железы у мужчин молодого и среднего возрастов. / В.Ю. Старцев, Е.В. Шпоть, Д.К. Караев и др. // Вестник урологии. — 2022. — 10(1). — С. 110–120. — DOI: 10.21886/2308-6424-2022-10-1-110-120
15. Nair-Shalliker V. Family history, obesity, urological factors and diabetic medications and their associations with risk of prostate cancer diagnosis in a large prospective study. / V. Nair-Shalliker, A. Bang, S. Egger et al. // Br J Cancer. — 2022. — 127(4). — P. 735–746. — DOI: 10.1038/s41416-022-01827-1
16. Raghallaigh H.N. Genetic predisposition to prostate cancer: an update / H.N. Raghallaigh, R. Eeles // Fam Cancer. — 2022. — 21(1). — P. 101–114. — DOI: 10.1007/s10689-021-00227-3
17. Perletti G. The association between prostatitis and prostate cancer. Systematic review and meta-analysis. / G. Perletti, E. Monti, V. Magri et al. // Arch Ital Urol Androl. — 2017. — 89(4). — P. 259–265. — DOI: 10.4081/aiua.2017.4.259
18. Jung G. The association between prostatitis and risk of prostate cancer: a National Health Insurance Database study. / G. Jung, J.K. Kim, H. Kim et al. // World J Urol. — 2022. — 40(11). — P. 2781–2787. — DOI: 10.1007/s00345-022-04165-2
19. Hong S. Alcohol Consumption and the Risk of Prostate Cancer: A Dose-Response Meta-Analysis. / S. Hong, H. Khil, D.H. Lee et al. // Nutrients. — 2020. — 12(8). — DOI: 10.3390/nu12082188
20. Zhao J. Is alcohol consumption a risk factor for prostate cancer? A systematic review and meta-analysis. / J. Zhao, T. Stockwell, A. Roemer et al. // BMC Cancer. — 2016. — 16(1). — DOI: 10.1186/s12885-016-2891-z

Список литературы на английском языке / References in English

1. Sadeghi-Gandomani H.R. The Incidence, risk factors, and knowledge about the prostate cancer through Worldwide and Iran. / H.R. Sadeghi-Gandomani, M.S. Yousefi, S. Rahimi et al. // WCRJ. — 2017. — 4. — DOI: 10.32113/wcrj_201712_972
2. Wang L. Prostate Cancer Incidence and Mortality: Global Status and Temporal Trends in 89 Countries From 2000 to 2019. / L. Wang, B. Lu, M. He et al. // Frontiers in Public Health. — 2022. — 10. — DOI: 10.3389/fpubh.2022.811044
3. Aksel' E.M. Statistika zlokachestvenny'x novoobrazovanij mochevy'x i muzhskix polovy'x organov v Rossii i stranax by'vshego SSSR [Statistics of malignant neoplasms of urinary and male genital organs in Russia and the countries of the

former USSR]. / E.M. Aksel', V.B. Matveev // *Oncourology*. — 2019. — 15(2). — P. 15–24. — DOI: 10.17650/1726-9776-2019-15-2-15-24 [in Russian]

4. Bleyer A. Prostate cancer in young men: An emerging young adult and older adolescent challenge. / A. Bleyer, F. Spreafico, R. Barr et al. // *Cancer*. — 2020. — 126(1). — P. 46–57. — DOI: 10.1002/cncr.32498

5. Kramer B.S. Prostate cancer screening: what we know and what we need to know.. / B.S. Kramer, M.L. Brown, P.C. Prorok et al. // *Ann Intern Med*. — 1993. — 119(9). — P. 14–23. — DOI: 10.7326/0003-4819-119-9-199311010-00009

6. Sartor O. Why is prostate cancer incidence rising in young men?. / O. Sartor // *Cancer*. — 2020. — 126(1). — P. 17–18. — DOI: 10.1002/cncr.32497

7. Schafer E.J. Recent Patterns and Trends in Global Prostate Cancer Incidence and Mortality: An Update / E.J. Schafer, M. Laversanne, H. Sung et al. // *Eur Urol*. — 2025. — 87(3). — P. 302–313. — DOI: 10.1016/j.eururo.2024.11.013

8. Bretthauer M. Estimated Lifetime Gained With Cancer Screening Tests: A Meta-Analysis of Randomized Clinical Trials / M. Bretthauer, P. Wieszczyn, M. Loberg et al. // *JAMA Intern Med*. — 2023. — 183(11). — P. 1196–1203. — DOI: 10.1001/jamainternmed.2023.3798

9. Möller F. Prostate Cancers in the Prostate-specific Antigen Interval of 1.8–3 ng/ml: Results from the Göteborg-2 Prostate Cancer Screening Trial. / F. Möller, M. Månsson, J Wallström et al. // *European Urology*. — 2024. — 0302-2838. — DOI: 10.1016/j.eururo.2024.01.017

10. Nicolosi P. Prevalence of Germline Variants in Prostate Cancer and Implications for Current Genetic Testing Guidelines. / P. Nicolosi, E Ledet, S. Yang et al. // *JAMA Oncol*. — 2019. — 5(4). — P. 523–528. — DOI: 10.1001/jamaoncol.2018.6760

11. Jagai J.S. County-level cumulative environmental quality associated with cancer incidence. / J.S. Jagai, L.C. Messer, K.M. Rappazzo et al. // *Cancer*. — 2017. — 123(15). — P. 2901–2908. — DOI: 10.1002/cncr.30709

12. Fu B.C. Insulinemic and Inflammatory Dietary Patterns and Risk of Prostate Cancer. / B.C. Fu, F.K. Tabung, C.H. Pernar et al. // *Eur Urol*. — 2021. — 79(3). — P. 405–412. — DOI: 10.1016/j.eururo.2020.12.030

13. Zuniga K.B. Diet and lifestyle considerations for patients with prostate cancer. / K.B. Zuniga, J.M. Chan, C.J. Ryan et al. // *Urol Oncol*. — 2020. — 38(3). — P. 105–117. — DOI: 10.1016/j.urolonc.2019.06.018

14. Starcev V.Yu. Vy'yavlenie raka predstatel'noj zhelezy' u muzhchin molodogo i srednego vozrastov [Detection of prostate cancer in young and middle-aged men]. / V.Yu. Starcev, E.V. Shpot', D.K. Karaev et al. // *Urology Bulletin*. — 2022. — 10(1). — P. 110–120. — DOI: 10.21886/2308-6424-2022-10-1-110-120 [in Russian]

15. Nair-Shalliker V. Family history, obesity, urological factors and diabetic medications and their associations with risk of prostate cancer diagnosis in a large prospective study. / V. Nair-Shalliker, A. Bang, S. Egger et al. // *Br J Cancer*. — 2022. — 127(4). — P. 735–746. — DOI: 10.1038/s41416-022-01827-1

16. Raghallaigh H.N. Genetic predisposition to prostate cancer: an update / H.N. Raghallaigh, R. Eeles // *Fam Cancer*. — 2022. — 21(1). — P. 101–114. — DOI: 10.1007/s10689-021-00227-3

17. Perletti G. The association between prostatitis and prostate cancer. Systematic review and meta-analysis. / G. Perletti, E. Monti, V. Magri et al. // *Arch Ital Urol Androl*. — 2017. — 89(4). — P. 259–265. — DOI: 10.4081/aiua.2017.4.259

18. Jung G. The association between prostatitis and risk of prostate cancer: a National Health Insurance Database study. / G. Jung, J.K. Kim, H. Kim et al. // *World J Urol*. — 2022. — 40(11). — P. 2781–2787. — DOI: 10.1007/s00345-022-04165-2

19. Hong S. Alcohol Consumption and the Risk of Prostate Cancer: A Dose-Response Meta-Analysis. / S. Hong, H. Khil, D.H. Lee et al. // *Nutrients*. — 2020. — 12(8). — DOI: 10.3390/nu12082188

20. Zhao J. Is alcohol consumption a risk factor for prostate cancer? A systematic review and meta-analysis. / J. Zhao, T. Stockwell, A. Roemer et al. // *BMC Cancer*. — 2016. — 16(1). — DOI: 10.1186/s12885-016-2891-z